

Дмитрий и Домна

Ездил Митрий Васильевич
В чистом поле, на добром коне.
Сидела Домна Александровна
В новой горенке, под косявчатым окошечком,
Под хрустальным под окошечком.

Думала она, удумлиwała,
Хулила его, охулиwała:
«Ездит-то Митрий Васильевич
Во чистом поле, на добром коне:
Наперед горбат, назад покляп,
Глаза у него быдто у совы,
Брови у него быдто у жоги,
Нос-то у него быдто у журава».

Прикликала сестрица Марья Васильевна:
«Ай же ты братец Митрий Васильевич!
Заводи, братец, пир-пированице,
Зазови-тка Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир!»

Приходили послы к Домниной матушке,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
На все стороны поклоняются,
Сами говорят таковы слова:
«Ах же ты Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир!»
Говорила Офимья Александровна:
«Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкий двор, на почестный пир!»

Первы послы со двора не сошли,
Еще другие послы на двор пришли,
Говорят Офимье Александровной:

«Ай же, ты, Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир!»
Говорила Офимья Александровна:
«Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкий двор, на почестный пир!»

Еще другие послы со двора не сошли,
А третьи послы на двор пришли,
Говорят Офимье Александровной:
«Ай же, ты, Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкий двор, на почестный пир!»
Говорила Домна Александровна:
«Ай же, ты, родна моя матушка!
Если спустишь, — пойду, и не спустишь, — пойду!»

Говорила Офимья Александровна:
«Ай же, ты, дитяtko, Домна Александровна!
Не ходи-тка к Митрию Васильичу:
Ты хулила его, охуливала...
Я ночесь спала, грозен сон видлà:
Быдто золота цепочечка рассыпàлася,
Рассыпàлася она и укаталася»...

Говорит Домна Александровна:
«Ай же родна моя матушка!
Про себя спала, про себя сон видлà!
Уйду я замуж за Митрия Васильича»...

Говорит же Домнина матушка:
«Ай же ты, Домна Александровна!
Надевай-ка ты три платьица:
Первое надень венчальное,
А другое надень опальное,
А третье надень умершее!»

Садилась она на добра коня,
Поезжала к Митрию Васильевичу.
Приезжала она на белый двор.
Встречает ю Митрий Васильевич,

Опускает ю с добра коня,
Берет за ручки за белые,
Целовал во уста во сахарные,
Вел ю за столы за дубовые.
Отрушил он от себя свой шелков пояс,
И учал он Домну по белу телу;
И шелковый пояс расплетается,
Домнино тело разбивается.
Пала она на кирпичный пол...
Схватились же Домны — живой нету...

Прознала ее родна матушка,
Скоро прибывает на белом дворе;
Увидала она Домну Александровну,
Пала она со добра коня на кирпичный пол...
Схватились же ее матушки — живой нету...

Говорит тут родной сестрице Митрий Васильевич:
«Ай же, ты моя родная сестрица, Марья Васильевна!
Ты сделала три головки бесповинных!»
Он схватил с гвоздя булатный нож,
Наставил тупым концом во кирпичен пол
И острым концом во белы груди...

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1, М., 1861, стр. 461.